

НЕ ОХЛѢВЪ СДИНОТѢ
БЛАГЪЗ ЖИВЪ
ЧЕЛОВѢКЪ

КОМУ ЦЕРКОВЬ НЕ
МАТЬ ТОМУ
БОГЪ НЕ ОТЕЦЪ

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО
ИЗДАНИЕ
БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО
СВ. СТЕФАНА
СПАСА

СВ. СТЕФАНА
ВОЛОГОДСКАГО ЧУДОТЪ

СВ. СТЕФАНА
ЕП. КЛ. ПЕРМСКОГО

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

№ 68
1908.

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцелярии
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

Цѣна отд. № 5 н.

ОДЕРЖАНИЕ: Савле. Савле, что мя гониши.—Ищи счастья въ себя *Свящ. Алекся Лебедева.*—Сила Божія и немощь человеческая. Изъ міра Божественной тайны. (Къ 200-лѣтію кончины святителя Митрофана). *Сергья Нилуса.*

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

САВЛЕ, САВЛЕ, ЧТО МЯ ГОНИШИ.

Павель зоветъ языкъ нашъ къ себѣ и своимъ подвигамъ. Мнѣ хочется видѣть его, какъ ведется онъ въ Дамаскъ, связанный не желѣзною цѣпью, но Господнимъ гласомъ; хочется видѣть, какъ поймана эта великая рыба, приводившая въ кипѣніе все море воздвигавшая на Церковь тысячи волнъ; хочется видѣть, какъ она поймана, не удою, но словомъ Господнимъ. Какъ рыболовъ какой, сидя на высококомъ камнѣ, и поднявъ удилице, опускаетъ уду сверху въ море; такъ и Господь нашъ, открывшій духовную ловитву, какъ бы сидя на высококомъ камнѣ небесномъ, опустилъ сверху, какъ уду, этотъ голосъ и сказалъ: *Савле, Савле, что Мя гониши* (Дѣян. IX, 4) и такимъ образомъ поймалъ эту великую рыбу. И что было съ тою рыбою, которую, по повелѣнію Божию, поймалъ Петръ, тоже случилось и съ этою. И у этой рыбы въ устахъ нашелся статиръ, только статиръ не чистый, потому что (Павель) имѣлъ ревность, но не по разуму (Рим. X, 2). Поэтому Богъ, даровавъ ему (истинное) познание, сдѣлалъ эту монету настоящею; и, что бываетъ съ пойманными рыбами, тоже было и съ Павломъ. Какъ тѣ лишь только извлечены будутъ изъ моря, слѣпнуть; такъ и этотъ, лишь только взялъ уду и извлеченъ былъ, тотчасъ ослѣпъ. Но эта слѣпота заставила прозрѣть всю вселенную. Все это хочется мнѣ видѣть. Вѣдь если бы постигла насъ война съ иноплеменниками, и враги, ополчившись, сильно безпокоили насъ; потомъ вождь иноплеменниковъ, строившій тысячу козней, приведшій въ безпорядокъ всѣ дѣла наши, повсюду возбудившій смятеніе и волненіе, грозившій разрушить и сжечь самый городъ, а насъ отвести въ неволю,—если бы онъ вдругъ былъ нашимъ царемъ связанъ и приведенъ плѣнникомъ въ городъ: мы всѣ, съ женами и дѣтьми, выбѣжали бы на такое зрѣлище. И теперь, какъ открылась война, когда іудеи все возмущали и приводили въ безпорядокъ, и строили множество козней противъ безопасности Церкви,

а главою непріятелей былъ Павелъ, который больше всѣхъ и дѣлалъ и говорилъ, все волновалъ и возмущалъ; и теперь, какъ связалъ его Господь нашъ Иисусъ Христосъ, Царь нашъ,—связалъ и привелъ плѣнникомъ того, кто все приводилъ въ безпорядокъ: не выйдемъ ли всѣ мы на это зрѣлище, чтобы видѣть, какъ онъ ведется плѣнникомъ? И ангелы, смотря тогда съ небесъ, какъ онъ былъ связанъ и веденъ, ликовали, не потому только, что видѣли его связаннымъ, но потому, что представляли себѣ, какъ многихъ людей избавить онъ отъ узъ; не потому увидѣли его ведомымъ за руку, но потому, что помышляли, сколь многихъ людей поведетъ онъ съ земли на небо. Такъ они радовались, не потому, что видѣли его ослѣпшимъ, но потому, что помышляли, какъ многихъ выведетъ онъ изъ мрака. Иди, сказалъ (ему Господь), къ язычникамъ, и, освободивъ ихъ отъ тьмы, переведи ихъ въ царство любви Христовой (Дѣян. XXVI, 17, 18).

Савле, Савле, что Мя гониши? Слова не столько упрекающаго, сколько защищающаго! *Что Мя гониши?* Въ чемъ, маломъ или великомъ можешь упрекнуть Меня? Чѣмъ ты обиженъ отъ Меня? Тѣмъ-ли, что Я воскресилъ вашихъ мертвецовъ, очистилъ прокаженныхъ, изгналъ демоновъ? Но за это надлежало поклонятся Мнѣ, а не гнать Меня. И чтобы тебѣ увѣриться, что эти слова: *что Мя гониши?* суть болѣе слова защищающагося, послушай, какъ и Отецъ Его (Иисуса Христа) обращался къ іудеямъ съ такими же словами. Какъ Онъ говоритъ: *Савле, Савле, что Мя гониши?*—такъ и Тотъ говорилъ іудеямъ: *людіе Мои, что сотворишь вамъ, или чимъ оскорбишь васъ* (Мих. VI. 3)? *Савле, Савле, что Мя гониши?* Вотъ ты лежишь на землѣ, вотъ ты связанъ безъ цѣпи! Точно такъ господинъ, словивъ и связавъ раба, многократно бѣгавшаго и дѣлавшаго много худого, говоритъ ему связанному: что мнѣ теперь сдѣлать съ тобою? вотъ ты въ рукахъ моихъ?—такъ и Христосъ, взявъ Павла, повергъ на землю, и видя, что онъ трепещетъ, испуганъ и не можетъ ничего дѣлать, говоритъ: *Савле, Савле, что Мя гониши?* Къ чему будетъ

эта ярость? Къ чему неистовство? Къ чему неблаговременная ревность? Къ чему оковы и нападенія? Къ чему эта свирѣпость? Вотъ ты будешь теперь неподвиженъ, и не увидишь гонимаго; ты, который быстро ходилъ и бѣгалъ вездѣ, теперь нуждаешься въ вожатомъ. Дѣйствительно, Христось для того и говоритъ ему теперь: *что Мя гониши*; чтобы онъ зналъ, что и въ предшедшее время (Господь) уступалъ ему добровольно, что ни прежде (попущеніе) не происходило отъ слабости, ни настоящее (пораженіе) отъ жестокости, но и то отъ человѣколюбія, и это отъ благопопечительности. Что же Павелъ? *Кто еси, Господи?*—Видишь, какая признательная душа; видишь, какое благородное сердце; видишь, какая прямая совѣсть! Не сталъ упорствовать, не сталъ спорить, но тотчасъ призналъ Владыку. Не какъ іудеи, которые и видя, что мертвые воскресаютъ, слѣпые прозираютъ, прокаженные очищаются, не только не прибѣгали къ дѣлавшему сіе (Иисусу Христу), но еще называли Его обманщикомъ; нѣтъ, Павелъ не такъ, но тотчасъ обратился. Что же Христось? *Азъ есмь Иисусъ, Егоже ты гониши* (Дѣян. IX, 5). А почему не сказалъ: Я—Иисусъ воскресшій, Я—Иисусъ, сѣдящій одесную Бога, но: *Азъ есмь Иисусъ, Егоже ты гониши*? Сказалъ такъ для того, чтобы поразить его умъ, сокрушить его душу. Послушай, какъ Павелъ, спустя долгое время и послѣ безчисленныхъ своихъ подвиговъ, плакалъ объ этомъ: *азъ есмь*, говорилъ онъ, *мнѣй изъ всѣхъ апостоловъ, иже нѣсмь достоинъ нарецися апостолъ: зане гонихъ Церковь* (1 Кор. XV, 9). Если же плакалъ объ этомъ послѣ безчисленныхъ подвиговъ, и столь долгаго времени, то какъ прилично было ему скорбѣть въ то время, когда онъ еще не совершилъ ни одного подвига, а уже признавалъ себя виновнымъ въ гоненіи и слышалъ тотъ голосъ!

(Изъ твореній св. Іоанна Златоуста).

ИЩИ СЧАСТІЯ ВЪ СЕБѢ.

Однаго мудреца древности спросили: что драгоцѣннѣе всего для человѣка? „Время“, отвѣчалъ онъ; посредствомъ времени можно приобрести все, а самого времени нельзя купить ни за что; не въ волѣ человѣка ни продлить для себя день хотя бы одною минутою, ни возвратитъ хотя одно мгновеніе. Въ безирѣдѣльномъ пространствѣ вѣчности человѣческой вѣкъ есть не болѣе, какъ капля въ морѣ; но и при этой краткости за правильное употребленіе его можно стяжать цѣлую вѣчность радости и блаженства, равно какъ за злоупотребленіе—цѣлую вѣчность мученій. Въ мірѣ ни о чемъ такъ не заботятся, какъ о препровожденіи времени, но и ничѣмъ такъ не злоупотребляютъ, какъ проведеніемъ времени. Наши заботы и попеченія ограничиваются лишь земнымъ... блага и утѣхи міра сего такъ живо и сильно увлекаютъ насъ, что предъ ними все блѣднѣетъ; вѣчность исчезаетъ изъ нашихъ мыслей и рѣдко посѣщаетъ нашу душу... Желаемъ мы другъ другу какого-то счастья и при томъ новаго, а счастья даже и стараго все нѣтъ: оно бѣжитъ отъ людей; во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ часто слышится недовольство. Всѣ ищутъ и стремятся къ счастью, но немногіе находятъ его тамъ, гдѣ оно есть.

Чаще всего ищутъ счастья во внѣшнихъ благахъ жизни: въ богатствѣ, славѣ, почестяхъ, высокомъ положеніи въ обществѣ, въ чинахъ, отличіяхъ и мірскихъ радостяхъ и удовольствіяхъ. Но эти утѣхи житейскія не могутъ удовлетворить сердца человѣческаго. Чѣмъ болѣе богатства, почестей, тѣмъ болѣе и стремленіе къ нимъ растетъ. Золотыхъ горъ мало для любостыжанія, престолы низки для честолюбія, чертоги не вмѣщаютъ человѣческихъ желаній... Были завоеватели, которымъ удавалось покорить полсвѣта, но и они терзались мыслью о томъ: зачѣмъ не въ ихъ рукахъ и остальная его половина. Были богачи, какъ Крезъ и Соломонъ, къ которымъ, какъ рѣкой лились сокровища со всего свѣта, но и они предъ смертію своею сознавались и вслухъ свѣта говорили, что все въ мірѣ только *суета суетствій*, только одно *крушеніе духа* (Еккл. 1, 2). Всѣ блага міра сего, всѣ земныя радости и удовольствія, которыхъ такъ усердно желаютъ другъ другу, сами по себѣ мало заслуживаютъ этихъ усердныхъ желаній. Честь и слава больше налагаютъ обязательствъ, нежели сколько даютъ пищи сердцу; кого ждетъ слава, того ждетъ и скорбь. Богатство прибавляетъ много заботъ и хлопотъ. Не напрасно ветхозавѣтный мудрецъ говорилъ: *попеченіе богатства отгонитъ сонъ* (Сир. 31, 1). Вотъ человѣкъ собираетъ сокровища, умножаетъ богатства и думаетъ насладиться ими въ весе-

ли, но и чрезъ груди золота у него льются горькія слезы, и блестящія сокровища не веселятъ его взора, отуманеннаго скорбію, и въ великолѣпныхъ чертогахъ слышатся горькіе вопли. Вотъ человѣкъ окружаетъ себя удовольствіями и забавами, погружается въ наслажденіи плоти и чувствъ, чтобы шумомъ ихъ заглушить тайную грусть своего сердца: но и чрезъ лики и тимпаны не слышатся ли часто тяжкіе вздохи? И это шумное веселіе не оставляетъ ли по себѣ болѣе пустоты и тяжести въ сердцѣ, горшей скуки и унынія въ духѣ? Прибавьте къ этому, что современная погоня за матеріальными благами и неравномѣрное скопленіе ихъ породили обостренное отношеніе между разными классами населенія, и рознь эта грозитъ перейти въ открытую борьбу и озарить заревомъ пожара весь образованный міръ, недовольство массъ растетъ, потому что потребности растутъ, а удовлетворить ихъ всѣ невозможно. Прибавьте и то, что зависть и клевета, лесть и лицемеріе, хитрость и коварство вьются около богатыхъ, знатныхъ и ликующихъ людей, отнимая у нихъ покой и довольство. Гдѣ же тутъ счастье?!

Въ погонѣ за счастьемъ нынѣ не оставлены безъ вниманія и блага духовныя. Нынѣ многіе счастье полагаютъ въ умственномъ развитіи и образованіи. Безспорно, наука улучшаетъ всѣ стороны жизни человѣческой и ведетъ человѣчество впередъ по пути развитія и усовершенствованія: она дѣлаетъ человѣка болѣе свѣдущимъ и разумнымъ и вѣнчаетъ его, какъ царя всей твари; къ ней устремляются всѣ усилія человѣческаго ума; въ ней думаютъ найти избавленіе отъ всѣхъ бѣдъ и нестроений нашей жизни и при ея пособіи открыть путь къ счастью человѣческому. *Блаженъ, иже обрѣте мудрость* (Сир. 25, 12). Но современная жизнь даетъ намъ далеко не то, чему должно быть по соображеніямъ человѣческаго разума. Есть много школъ, и многому учатся. Свѣтъ просвѣщенія широко льется на насъ, но онъ не грѣетъ насъ: онъ озаряетъ наши умы, возбуждаетъ ихъ, подвигаетъ иногда на усиленныя и изнурительныя работы, но не согрѣваетъ нашихъ сердецъ живительною теплою любви къ Премудрому Творцу и Промыслителю и нерѣдко отводитъ отъ вѣры въ Него. Нынѣ ума между людьми много, а сердца—мало... оно сухо и черство. Ума много, а добрая, нравственная жизнь не только не стала выше и чище, а напротивъ, съ развитіемъ образованія, пришла въ упадокъ. Всѣ наши усилія въ области современнаго воспитанія устремляются на развитіе одного ума въ человѣкѣ. Умъ, говорятъ, вотъ та сила человѣка, которая растворяетъ предъ нимъ двери во святилище наукъ, ведетъ его къ высшему образованію, къ болѣе почетнымъ занятіямъ и должностямъ. Въ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ предоставляютъ дѣ-

тямъ полную свободу, какъ будто воля ихъ упадетъ сама собой на путь добра и правды. И вотъ въ душѣ человѣка на мѣсто смиренія порождается гордость, и на мѣсто любви—холодное самолюбіе. Посему не удивительно, что умственное развитие въ нашемъ обществѣ растетъ и распространяется, но вмѣстѣ съ этимъ счастье и миръ уходятъ отъ людей куда-то дальше и дальше... Самый путь въ святилище науки длиненъ и весьма труденъ; всякому путнику онъ приноситъ много скорбей и стоить многихъ слезъ; и иногда даетъ ему много зачатковъ разныхъ болѣзней, которыя нерѣдко сводятъ преждевременно въ могилу. *Ученіе многое трудъ плоти* (Еккл. 12, 12). Присмотритесь и къ тѣмъ, которыми пройденъ весь этотъ путь: много ли между ними довольныхъ и счастливыхъ? У одного душа отравлена ядомъ сомнѣній; другому нѣтъ покоя отъ тѣхъ смуть и волненій въ общественной жизни, отъ которыхъ страдаютъ люди; третьему грызетъ сердце червь самолюбія, не позволяющій съ высокимъ образованіемъ заниматься малыми дѣлами. Словомъ, и среди просвѣщенныхъ людей недовольства много, а счастья мало.

Ищутъ еще счастья въ союзѣ дружбы и любви. Союзъ этотъ много облегчаетъ наше жизненное бремя. Отраднo имѣть вѣрнаго друга, преданное и безкорыстное сердце котораго всегда порадуется вашими радостями и поболитъ вашими скорбями. Особенно свѣтло и мирно течетъ жизнь человѣка, если на союзѣ любви основана его семейная жизнь. Какими чистыми и мирными наслажденіями даритъ она тогда человѣка! Сколько радостей даетъ она на этомъ скорбномъ жизненномъ поприщѣ! Но вотъ наше горе: искренніе союзы дружбы и любви становятся у насъ болѣе и болѣе рѣдкими. Сердца ли наши стали черствѣе, самолюбія ли въ насъ стало больше, но только нельзя не замѣтить того грустнаго явленія, что нынѣ честная искренняя дружба стала рѣдкостью. А семейныя узы болѣе и болѣе начинаютъ устрашать; многіе бѣгутъ ихъ, чтобы избавиться отъ тревогъ и неизбѣжныхъ заботъ и возможныхъ злoключеній. При вступленіи въ брачный союзъ справляются о взаимной любви, какъ послѣднемъ неважномъ условіи супружескаго счастья, и больше всего заботятся о матеріальныхъ выгодахъ брачнаго союза. Неудивительно, что безъ искренней взаимной любви семья счастья не даетъ.

Ищутъ, наконецъ, счастья въ честномъ трудѣ и соединенномъ съ нимъ спокойствіи совѣсти. Въ тихомъ довольствѣ пользуется человѣкъ благами земными, добытыми его собственнымъ неустаннымъ трудомъ. Но наше горе—отъ бѣдъ и скорбей не избавлены самые честные труженики; ихъ жизнь нерѣдко бываетъ отравлена болѣзнями и слабостію силъ, непозволяющею трудиться, люд-

скою алчностью, отнимающею иногда у ближняго послѣдній кусокъ хлѣба, и близорукостью, не огѣнивающею труженика по заслугамъ, и многими другими невзгодами.

Такимъ образомъ, никакой земной источникъ счастья не можетъ утолить жажду нашего сердца. Соберите всѣ радости и удовольствія земныя и отдайте ихъ въ удѣлъ одному человѣку, онъ и тогда скажетъ: *сія не суть ми угодна* (Есф. 5, 13).

Полнаго и неизмѣннаго счастья здѣсь на землѣ для насъ нѣтъ и не будетъ. Всѣ успѣхи ума и усилія человѣческой воли безсильны создать рай на землѣ. Всѣ мимолетныя блага жизни покупаются цѣною тяжкаго труда, сопряжены съ томленіемъ и крушеніемъ духа. Всѣ радости жизни переѣшиваются съ горькими лишеніями и скорбями. Въ бурномъ морѣ житейскомъ радость черпается каплями, а горе—полною чашею. Быстротечное время мѣняетъ и самую погоню за призрачнымъ счастіемъ. Съ измѣненіемъ лѣтъ измѣняемся и мы: прошла юность, прошло съ нею и все, что занимало насъ, что увлекало, что радовало или печалило. Настало другое время, и мы уже не то, чѣмъ были прежде: не то намъ нравится теперь, что нравилось тогда; не того желаемъ нынѣ, чего желали вчера. И что, наконецъ, остается отъ всего, что здѣсь на землѣ прельщаетъ наше сердце? Вотъ могилы нашихъ собратій! Можно ли отличить здѣсь прахъ мудраго отъ невѣжды, знатнаго отъ простеца, богача отъ бѣдняка? Не таже ли горсть праха остается отъ тѣла того и другаго? Можно ли послѣ сего плѣняться призракомъ земнаго счастья, въ немъ полагать цѣль жизни, для него жертвовать сердцемъ и совѣстію?

Въ вихрѣ человѣческой суеты и измѣнчивости одно стояло и стоитъ твердо и непоколебимо въ теченіе вѣковъ: это вѣра христіанская; она есть побѣда, побѣдившая міръ; она есть единственный надежный руководитель нашъ, который освѣщаетъ нашъ жизненный путь, какъ яркая путеводная звѣзда, въ ней христіанинъ найдетъ неисчерпаемый источникъ счастья и блаженства. Всеблаженный Богъ сотворилъ человѣка для блаженства и указываетъ путь къ нему въ союзѣ съ Собою. *Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога* (Іоан. 17, 3). Съ этимъ высшимъ счастіемъ нашей жизни никакое другое не отуманитъ нашей головы и никакое горе не смутитъ до отчаянія наше сердце. Именитѣйшій искатель счастья на землѣ и великій мудрецъ древности Соломонъ въ предсмертной своей книгѣ изрекъ: *уразумѣлъ я, что во всѣхъ благахъ міра нѣтъ для человѣка много кромѣ того, чтобы быть веселымъ,—имѣть довольное радостное сердце и творить добро въ своей жизни; ибо всякій человѣкъ, который имѣетъ, что ѣсть и пить и видитъ добро во*

всякомъ трудѣ своемъ,—вотъ это Божій даръ (Еккл. 3, 12—13) уразумѣлъ я, что человѣку благому предъ лицемъ его далъ Богъ и мудрость и веселіе; созрѣвающему же далъ только заботу, чтобы прибавлять и собирать (Ек. 2, 26), и потому... Бога бойся и заповѣди Его храни, такъ какъ въ этомъ не только назначеніе и счастье всякаго человѣка, но и сама природа его, самъ человѣкъ (Еккл. 12, 13). Вотъ въ чемъ счастье человѣка и гдѣ его искать. Счастье въ довольствѣ своемъ состояніемъ безъ излишнихъ заботъ о далекомъ будущемъ и безъ завистливыхъ очей на счастливое съ виду положеніе ближняго, счастье въ удовлетвореніи насущныхъ потребностей нашей природы, счастье въ веселіи сердца, счастье въ свѣтлости духа, счастье въ трудѣ, который бы имѣлъ цѣлю добро, счастье въ соблюденіи заповѣдей Божіихъ, въ страхѣ Божіемъ. *Нѣсть радоватися, нѣтъ*, значитъ, и счастья, *нечестивымъ* (Ис. 57, 21); истинное благочестіе есть источникъ и истиннаго счастья; при немъ и вся наука быть счастливымъ проста: люби свои обязанности и ищи въ нихъ наслажденія. Трудись на пользу ближнихъ, будь умѣренъ въ жизни, имѣй страхъ Божій, вѣруй и надѣйся,—и приобрѣтешь то внутреннее счастье, ту внутреннюю стойкость и свѣтлую несокрушимость духа, ту стойкость мудреца и хрістіанина, при которыхъ и лишенія и невзгоды и гроза смерти не грозны. *Царствіе Божіе, источникъ вашего счастья, внутри васъ есть* (Лук. 17, 21) возвѣщено съ неба въ отвѣтъ блуждающему во мракѣ челоуѣчеству на его запросы о смыслѣ жизни. Счастье зависитъ не отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но отъ внутренняго состоянія сердца. За счастьемъ всюду гонятся, а оно въ насъ, въ нашемъ сердцѣ, куда мы совсѣмъ почти не заглядываемъ; только сердце можетъ насъ наградить истиннымъ спокойствіемъ, и, слѣдовательно, счастьемъ. Не ищи, хрістіанинъ, ничего внѣ души, все въ ней. Перемѣна положенія, мѣста и смѣна временъ ничего не дадутъ человѣку. Богатые и знатные скорбятъ, томятся снѣдающею скукою, а бѣдняки и простецы веселы, спокойны и благополучны. На великолѣпномъ ложкѣ томить безсонница, а на власяницѣ и во вретницѣ слышится богатырскій сонъ. Вспомните подвижниковъ и сильныхъ духомъ мужей не только отдаленныхъ, но и близкихъ къ намъ, проведшихъ много лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, съ одними и тѣми же людьми, въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Какъ глубокъ привлекателенъ, животворенъ былъ взглядъ нашихъ Серафимовъ, Теофановъ, Амвросіевъ, Макаріевъ, Пароеніевъ и другихъ на окружающій ихъ необъятный міръ! Какъ полна была ихъ жизненная чаша! Какъ много людей приходило къ нимъ за словомъ руководства, бодрящей ласки и любви! Многіе получали отъ нихъ богатѣйшее утѣшеніе не только

при жизни ихъ, но и доселѣ получаютъ, послѣ ихъ смерти, изъ ихъ любвеобильныхъ писаній. Эти простецы философы опытно-извѣдали независимость и довольство, основанныя на ограниченіи своихъ потребностей. Чѣмъ болѣе у человѣка привычекъ, тѣмъ большія онъ налагаетъ узы на себя; всякая привычка, всякая привязанность, всякая страсть вяжетъ не только здѣсь на землѣ, но тѣмъ болѣе, когда *прейдесть образъ міра сего* (1 Кор. 7, 31), когда настанетъ *новое небо и новая земля* (Ап. 21, 1). Душа, объята многоразличными пристрастіями, перейдя въ иной міръ и не находя тамъ ничего удовлетворяющаго ихъ, при новомъ строѣ жизни, будетъ томиться и сама въ себѣ носить адъ... Земныя привычки, отъ которыхъ боимся отстать теперь, будутъ тогда терзать нашъ духъ жесточе всѣхъ мукъ. Такъ, съ чѣмъ нужно разстаться когда либо, съ тѣмъ лучше разстаться скорѣе иначе привязанности наши возрастутъ, и разрывъ будетъ уже крайне болѣзненъ. Нужно заблаговременно и постепенно освобождать свою душу изъ-подъ ига страстей, возвращать ей власть, дабы *не быть обладаему отъ чего* (1 Кор. 6, 12). Каждому предлежитъ исправить свое сердце, обновить умъ, очистить совѣсть, иначе, преобразовать себя. Всю глубину и силу заповѣди Христовой „*да отвержется себе*“ (Лук. 8, 34) Русскій народъ своеобразно выразилъ, въ мудрой пословицѣ: „вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ“ т. е. гдѣ нѣтъ насъ—нашего *самолюбія*. Устроить въ себѣ самомъ это неземное счастье на землѣ и приуготовить себя къ блаженной вѣчности составляетъ цѣль и подвигъ земной жизни. Для созиданія въ себѣ этого „царствія Божія“ нѣтъ нужды уходить въ даль съ того, можетъ быть, малаго и скромнаго поприща, на которомъ кто трудится,—чуждаться тѣхъ людей, съ которыми тебя соединяетъ дѣйствительная жизнь. „Царствіе Божіе“ нужно созидать въ той обстановкѣ, въ какой кто поставленъ волею Божіей; не помимо людей нужно искать того неба, къ которому призваны, а въ нихъ же и чрезъ нихъ же,—чрезъ дѣятельное общеніе съ ближними міра сего добрымъ словомъ, добрымъ дѣломъ, молитвою и любовію. Духъ Христовъ не пресѣкаетъ удовлетворенія естественныхъ потребностей человѣка, не гонитъ непременно изъ семьи и общества; онъ допускаетъ и гражданскія службы, и воинствованіе, и куплю и продажу, и научность, и художественность, но все сіе обращаетъ въ средства къ преуспѣянію въ духѣ, къ стяжанію благъ неземныхъ, къ угожденію Богу. Духъ Христовъ устанавливаетъ правильное отношеніе къ земнымъ благамъ, какъ средствамъ къ приобрѣтенію благъ небесныхъ, вразумляетъ желать ихъ безъ страсти и привязанности къ нимъ, испрашивать ихъ у Господа безъ настойчивости и нетерпѣливости, трудиться для ихъ приобрѣтенія безъ

излишней суетливости и разставаться съ ними безъ сожалѣнія и сѣтованія. Трудись, хрістіанинъ, каждый въ предѣлахъ своего званія, въ кругѣ своихъ обязанностей, трудись на землѣ для неба, преуспѣвай въ исканіи *Царства Божія и правды его* (Мѡ. 6, 33),— и забьется въ твоей груди *довольное радостное сердце*....

Священникъ Алексѣй Лебедевъ.

СИЛА БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

ИЗЪ МІРА БОЖЕСТВЕННОЙ ТАЙНЫ.

(Къ 200-лѣтію кончины Святителя Митрофана).

(*Окончаніе*).

IV.

18-го числа, въ сопровожденіи всѣхъ тогда бывшихъ, поѣхали въ Смоленскъ; безъ затрудненія и помощи всходила и сходила по лѣстницамъ и нѣсколько дней была совершенно здоровою, но часто задумчива, молчалива и сонлива.

Ровно за недѣлю до Покрова дня—въ понедѣльникъ—она ослабѣла и, когда уснула, то вдругъ стала ясновидящею: отвѣчала на мысли каждаго, кто сидѣлъ дома въ третьей комнатѣ. Мучилась, если вдругъ чувствовала, что кто-либо искушаетъ какимъ-нибудь невѣріемъ. Говорила такія слова, какихъ никогда не умѣла говорить. Потомъ сказала:

— „Не думайте, чтобы это я вамъ говорила. Нѣтъ! я внушена Ангеломъ—онъ при мнѣ. Вотъ онъ!.. А въ самый день Покрова Пресвятыя Богородицы, Пречистая покроетъ меня Своимъ святымъ омофоромъ, и всѣ предстоящіе будутъ видѣть эти чудеса“.

Тутъ всѣ въ великой радости хотѣли послать къ своимъ знакомымъ, но она не позволила, говоря:

— „Довольно будетъ тѣхъ, кому нужно быть. Богу угодно избрать для прославленія сихъ чудесъ Леонида, ректора Смоленскаго, Павла и Платона Егоровичей Соколовскихъ и Платона Рачинскаго“.

Эти дни въ Смоленскѣ больная была въ отрадномъ положеніи—и дни, и ночи, и говорила:

— „Ахъ, какъ бы я желала, чтобы вы всѣ могли хотя ми-

нуту насладиться этимъ небеснымъ сномъ, которымъ я теперь насладилась!.. Ахъ, какъ сладостно, какъ пріятно!..“

Она вставала поминутно, переходила изъ комнаты въ комнату; потомъ опять засыпала и опять во снѣ начинала говорить. По всему было видно, что она желала освятить весь домъ сопутствующимъ ей Ангеломъ, потому что переходила изъ комнаты въ комнату по всему огромному дому.

Она чувствовала, ежели кто подѣзжалъ къ дому и говорила:

— „Вотъ еще ѣдутъ вѣрующіе!“

Непонятно, по какой причинѣ съѣхалось шестьдесятъ человекъ, хотя никто не былъ извѣщенъ.

Когда кто входилъ съ малою вѣрою, она начинала страдать тоской и говорить съ такой убѣдительностью, что каждый трепеталъ и приходилъ въ должное чувство.

Иные боялись, чтобы она именно ихъ грѣховъ не обличила. Она чувствовала ихъ мысли и говорила:

— „Боятся иные (не говоря именно кто), чтобы я не объявила ихъ грѣховъ, а забываютъ, что Спаситель будетъ судить всѣхъ явно, а не тайно, и что сей страхъ означаетъ совѣсть нечистую“.

И въ прекраснѣйшихъ изреченіяхъ начала говорить, какъ мы должны очищать совѣсть нашу, подобно садовнику, очищающему садъ отъ дурныхъ растений: онъ не вдругъ, но всякій день понемногу, ихъ вырываетъ. Такъ и мы понемногу должны искоренять наши пороки.

Многіе хотѣли записывать ея слова, но она не позволила, говоря, что эти слова должны быть у каждаго въ сердцѣ, а не на бумагѣ...

Одна особа, пріѣхавъ въ тотъ домъ, почувствовала такой непонятимый трепетъ, что не могла оставаться вмѣстѣ со всѣми и ушла въ верхній этажъ. Болящая, хотя и во снѣ, но явно сказала:

— „Бѣдная! она страдаетъ и я страдаю“.

На другой день она почувствовала, что та молится Богу и сказала:

— „Погибающая душа скоро обратилась“.

Потомъ велѣла позвать ее къ себѣ, стала надъ нею молиться, чтобы Богъ обратилъ ее къ добродѣтели, обняла ее нѣжно и начала говорить:

— „Другіе думаютъ, что мы достойнѣе ея, а того не знаютъ, что она была послѣдняя, а теперь первая“.

Затѣмъ обратилась къ Соколовскимъ и съ восторгомъ говорила:

— „Добрія души! Онѣ не воображаютъ, какъ часто Ангель записываетъ ихъ добрыя дѣла. Онѣ вникли въ положеніе Анны Андреевны Соколовской. Милая и кроткая! Душа ея страдаетъ о сынѣ и молчитъ—до сихъ поръ мнѣ ничего не сказала, а онѣ провинился и наказанъ. Но, слава Богу, что онѣ имѣетъ испытаніе это въ молодыхъ лѣтахъ“.

Сейчасъ не могу описать вамъ всѣхъ ея разговоровъ, но скажу о послѣднемъ важнѣйшемъ происшествіи.

V.

По возвращеніи обратно въ домъ Соколовскихъ, Ольга Васильевна (больная Азанчевская) начала говѣть къ будущему воскресенью, т. е. къ 23-му числу и въ этотъ день удостоились причаститься Святыхъ Таинъ.

Въ числѣ посѣтившихъ ея во время болѣзни былъ Смоленскаго Аврааміева монастыря архимандритъ Леонидъ, который пріѣзжалъ 25-го числа, а потомъ вторично посѣтилъ ее 30-го числа, ночевалъ въ домѣ и на Покровъ день послѣ обѣдни уѣхалъ. Также былъ того же монастыря экономя и Болдина монастыря игумень Никодимъ, и она, сонная, рассказывала каждому о чудесномъ своемъ исцѣленіи отъ Угодника въ такомъ точно порядкѣ, какъ описано выше...

Можете себѣ представить, въ какомъ находились всѣ мы волненіи въ день Покрова Пресвятыя Богородицы!

30-го къ вечеру она стала слабѣть и велѣла положить себя въ спальнѣ Анны Андреевны, на ея кровать; и тутъ начались страданія—тоска о невѣрующихъ; и такъ она металась, что боялись, какъ бы у нея не отвалилась голова. Многіе не могли смотрѣть и вышли изъ комнаты, кромѣ Анны Андреевны Соколовской и Елизаветы Андреевны Храповицкой, которыхъ она отъ себя не отпускала.

Къ девятому часу вечера опять всѣ собрались около нея, но она такъ ослабѣла, что болѣе походила на мертвую, чѣмъ на больную. Тутъ мы замѣтили, что она начинаетъ вытягиваться, какъ при послѣднихъ минутахъ жизни, съ хрипотой въ груди, и, наконецъ, видимъ непостижимыя для человѣка чудеса: она поднимаетъ руки вверхъ и такъ оставляетъ ихъ въ распростертомъ положеніи. Потомъ опускаетъ ноги съ постели и дѣлаетъ земной поклонъ, опуская голову до полу безъ помощи рукъ; потомъ привстаетъ и по движеніямъ рукъ, которыми она обнажаетъ грудь и спину, протянутіемъ оныхъ, равно и ногъ, мы заключаемъ, что она помазуется Царицей Небесной. При сихъ дѣйствіяхъ говорить:

— „Радуйся, Радосте наша! покрый насъ честнымъ Твоимъ омофоромъ“.

Сіе повторила два раза. Потомъ становится на ноги и отъ слабости падаетъ на постель, а ноги ея уже мы должны были положить на постель при помощи другихъ, близь стоявшихъ. Затѣмъ мы увидали, что сложила руки, какъ будто для полученія благословенія. Тутъ она начала говорить имена всѣхъ родныхъ, всѣхъ здѣсь присутствовавшихъ, отсутствующихъ и всѣхъ христіанъ, вѣрующихъ во Имя Божіе—и все это очень внятнымъ языкомъ... Потомъ, помолчавъ немного и все продолжая держать руки въ томъ же положеніи, она сказала:

— „Еще прикажешь?.. Не угодно?..“ Приняла руки и положила ихъ на грудь со словами:

— „Да будетъ воля Твоя!“

Немного погодя она воскликнула:

— „Свершилось, свершилось!“—и съ сими словами сѣла на постель и уже въ полномъ сознаніи сказала:

— „Прославимъ единымъ сердцемъ и едиными устами чудеса Божіи!“

За симъ начала съ нами обниматься, а мы—ее поздравлять съ благодатію исцѣленія...

Во все время происходившаго мы всѣ стояли на колѣняхъ въ великомъ страхѣ и рыдали.

Исцѣленная послѣ этого осталась въ постели. Сидя въ постели, совершенно здоровая, спросила просфоры, а потомъ горячаго чаю, который ей и подали. Она въ этотъ день ничего не пила и не ѣла... Въ постели она оставалась до слѣдующаго дня.

Въ восьмомъ часу утра 1-го октября призванъ былъ священникъ отслужить благодарственный молебенъ и акаѳистъ Божіей Матери. Затѣмъ она встала, и мы всѣ пошли пѣшкомъ—также и она съ нами—въ церковь, гдѣ отслушали литургію и молебенъ Угоднику Божію Митрофану.

Теперь Ольга Васильевна совершенно здорова.

При исцѣленіи были:

- 1) Архимандритъ Аврааміева монастыря Леонидъ.
- 2) Поручикъ Александръ Васильевичъ Азанчевскій и сестры его, гвардіи капитана дочери—дѣвицы, Анна и Екатерина.
- 3) Жена штабъ-ротмистра Елена Павловна Лыкошина съ малолѣтнимъ сыномъ, Николаемъ.
- 4) Живущая въ домѣ Азанчевскихъ изъ дворянъ дѣвица, Авдотья Семеновна Азанчевская.
- 5) Генераль-маіоръ Иассонъ Семеновичъ Храповицкій съ женой, дѣтми, съ живущей въ ихъ домѣ дѣвицей, Александрой

Алексѣевой Курашевой и гувернаткой, Елизаветой Егоровной Доландъ.

6) Полковникъ Василій Ивановичъ Рачинскій съ братьями своими, Платономъ, Иваномъ и сестрой, Александрой.

7) Павелъ и Платонъ Егоровичи, и Анна Андреевна Соколовскіе и прочіе, подробно въ письмѣ поименованные.“

Самому міру не вмѣстить описанія всѣхъ чудесъ, источаемыхъ милосердіемъ Божиимъ надъ грѣшнымъ человѣчествомъ черезъ Святыхъ Своихъ Угодниковъ. Наши Четь-Минеи, Прологи—неистощимое море чудесъ и знаменій, совершенныхъ и до нашихъ дней совершаемыхъ благодатью Святаго Духа по истинной и нелицемѣрной вѣрѣ въ Господа нашего Иисуса Христа. И если приблизилось къ намъ, тяжкое и лютое время, когда видимо для всѣхъ вѣрующихъ истощается чаша долготерпѣнія и милосердія Божія, а съ истощеніемъ ея сокращаются и чудесныя явленія Духа Милующаго, то не на Бога вознесемъ мы хулу нашу за жестокія язвы, на насъ налагаемыя, а на самихъ себя: мы—отступники отъ вѣры Христовой, мы—тати и разбойники, ставящіе въ безумной гордынѣ своей престолъ свой выше Божьяго, самихъ себя—на мѣсто Творца всяческихъ. Безумцы мы, жалкіе мы, ослѣпленные миражемъ устроеній земнаго нашего благополучія, разрушители стараго и внутри себя творческаго духа для созданія новаго не имѣющіе! Куда мы идемъ, въ какую бездну стремимся, очертя голову? мы, дерзающіе признавать хрістіанство дискредитированнымъ, отвергающіе Того, Кто одинъ только и есть и Путь, и Истина, и Жизнь и безъ Кого мы не можемъ творить ничего ни въ духѣ, ни въ истинѣ?! Откуда же, откуда же возьмемъ мы даръ творчества, когда Первоисточникъ всякаго творчества нами отвергнутъ, алтари Его повергаются, храмы поруганы, а призванные быть сосудами благодати Духа Святаго—священство царское—стадо Христово и его пастыри и учителя предались не устроению Небеснаго Царства въ душѣ человѣческой, а царства плоти, противленія Духу Христову, всякой мерзости, хищенія и лицемѣрнаго обмана въ дѣлѣ, въ словѣ, въ помысленіи? Можемъ ли мы требовать у Бога Его милостей, Его чудотвореній, Его знаменій къ нашему благу, къ нашему спасенію и здѣсь на землѣ, и тамъ—на небѣ, когда доходимъ и уже почти дошли до полного отрицанія Самого Всевышняго?... Такъ не говорите же хулители Духа, остатку вѣрныхъ, и тѣмъ, чья вѣра подъ злодѣйскимъ и братоубійственнымъ вашимъ натискомъ изнемогаетъ: гдѣ Богъ вашъ и гдѣ явленія Его Духа, подобныя описан-

ному? Не говорите, не держайте кошунственно глумиться надъ достовѣрными свидѣтелями вѣры, бросая въ нихъ грязь вашей клеветы, что свидѣтельство ихъ—лживыя легенды, сказки, плодъ нафанатизированнаго воображенія. Вы требуете, чтобы эти чудеса и знаменія были вами запротоколены, вашими отступниками, лжецами и клеветниками засвидѣтельствованы, вашему суду предоставлены, и тогда только вы имъ повѣрите, а святымъ вселенскаго христіанства всѣхъ вѣковъ вы не довѣряете... Хорошо сказалъ про васъ Спаситель: „если Моисея и пророковъ не слушаютъ, то если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ не повѣрятъ“...

Такъ, пусть слова, запечатлѣнные вѣрой этого разсказа будутъ вамъ, отступники, во свидѣтельство, чтобы не сказать вамъ въ день Судный: не было во времена наши свидѣтелей милости Твоей, Господи!

Христось—вчера, днесъ и во вѣки Той же. Аминь.

Николо-Бабаевскій монастырь
22 іюня 1906 года.

С. Нилусъ.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИЖКА:

Троицкій Цвѣтокъ № 51.

БОЖІИ РОСИНКИ.

Цѣна 15 коп., съ перес. 20 коп.

Выписывать можно изъ редакціи Троицкихъ Листковъ. Сергіевскій Посадъ, Моск. губ. Вологда, книжная лавка Вологодскаго Братства Всемилоствиваго Спаса.

ВНОВЬ ОТКРЫТА ТОРГОВЛЯ

ПЕЧНЫМИ—БѢЛЫМИ И ЦВѢТНЫМИ ИЗРАЗЦАМИ.

Имѣются терракотовыя печи, каминны, гончарныя трубы, мелкій кирпичъ своего завода,

А ТАКЖЕ ОГНЕУПОРНЫЙ,

печные приборы, строительный матеріалъ по цѣнѣ всѣмъ доступной, хорошаго качества.

Торговля въ Вологдѣ, Кожевенный рядъ, рядомъ съ лавкой Кускова и Бурлова *А. І. Сурьяниновъ.*